

Конституционное право: Восточноевропейское обозрение

№ 2 (35) 2001, с. 213-219

**Power and Prosperity: Outgrowing
Communist and Capitalist Dictatorships**

by Mancur Olson

(New York: Basic Books, 2000)

Reviewed by David M. Woodruff

(*EECR. Vol. 10. No. 1, Winter 2001*)

Перевод с русского А. Алюшина

Власть и процветание : перерастание коммунистических и капиталистических диктатур

Манкур Олсон

(New York: Basic Books, 2000)

Дэвид М. Вудрафф

Предисловие к рецензируемой книге предлагает считать ее «последней симфонией» Манкура Олсона (с. xix). До самой своей кончины в 1998 году Олсон предполагал вернуться к ней и продолжить ее доработку. Но правильнее всего было бы рассматривать «Власть и процветание» как третью часть той симфонии, которую Олсон начал книгой «Логика коллективного действия: Общественные блага и теория групп» (*The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups*. Cambridge: Harvard University Press, 1965). Этот труд можно считать самой знаменитой из всех монографий по социальной науке XX века. В данной работе в ходе аргументации, воспроизведенной в 4-ой главе рецензируемой книги, Олсон утверждал, что группам трудно организовать коллективное действие по добыванию общественных благ, потребление которых открыто для всех. (Классическим примером такого блага является чистый воздух. Причина – подрыв коллективного действия со стороны «безбилетников», то есть тех, кто хочет бесплатно пользоваться усилиями других, зная, что они получат доступ к такого рода благам в любом случае, независимо от своего участия или неучастия в ее создании, производстве или сохранении (дышать не запретишь). Но все же проблема «безбилетников» не предрекает судьбу всякого коллективного действия. Большая часть «Логики...» посвящена обсуждению вопросов о том, как группам, добывающимся общедоступных благ для своих членов¹, удастся привлечь сторонников путем избирательных поощрений или принуждения и почему малые группы оказываются более способными к действию, чем крупные. К сожалению, обе эти линии аргументации подводят к печальному заключению, что алчные картели способны добиться непропорционально большого политического успеха. А многие большие группы – как пессимистически заключает Олсон в своей

«Логике...» – со своими общими и вполне легитимными интересами зачастую просто обречены «молча страдать».

Исходя из этой аргументации, легко предположить, что патерналистская диктатура способна добиться лучших результатов, чем демократия. Голоса, звучащие при демократии громче всех, чаще всего оказываются голосами носителей отдельных корыстных интересов, тогда как более широкие социальные интересы не находят своих представителей. Более того, мощь организации служит обычно свидетельством эгоистического характера преследуемых ею целей. Этим неутешительным последствиям логики коллективного действия посвящена вторая книга Олсона «Подъем и упадок народов:экономический рост, стагфляция и социальные препятствия» (The Rise and Decline of Nations:Economic Growth, Stagflation, and Social Rigidities. New Haven:Yale University Press, 1982). В этой работе Олсон утверждал, что по мере того, как группы с обособленными интересами решают проблему коллективного действия и прокладывают пути к кабинетам политиков, им удастся добиться у государства принятия все большего числа мер, препятствующих конкуренции и сдерживающих экономический рост. Бремя такой политики придется нести другим, а ее итогом станет стагнация. (Эти идеи также изложены в рецензируемой книге – с. 95 –98, 196 –197). К счастью, общество иногда может избежать подобного социально экономического и социально политического «склероза». Политические институты, такие, например, как двухпартийная система в США , могут придать политикам и общие, «всеохватывающие» (encompassing) интересы, то есть они будут вынуждены представлять интересы большого числа неорганизованных людей. Однако такой результат может быть сведен на нет «рациональным неведением» избирателей, , которые не готовы тратить время и силы требуемые для того, чтобы узнать преимущества свободного рынка и либеральной экономики. Избиратели тоже страдают синдромом «безбилетника», по скольку положительные результаты правильной государственной политики являются общедоступным общественным благом (Power and Prosperity. С. 93 –94).

К счастью, есть нечто более полезное, чем продуманные и налаженные политические институты:военное поражение и оккупация, которые оказываются очень выгодными – для побежденных! Дело в том, что оккупационные власти устраняют узкие спаянные интересы, носители которых в прошлом присосались было к государственной власти. И тем самым освобождается поле для реализации общих и всеохватывающих интересов. Этим объясняется, по Олсону, стагнация победившей в войне Англии и удивительный послевоенный рост Японии и Западной Германии. (Следует сказать, что даже поверхностное знакомство с историей групп интересов, стратегиями развития и оккупационной политикой в последних двух странах показывает полную абсурдность данного аргумента, но здесь не место развивать эту тему. Желая закончить «Подъем и упадок народов» на более оптимистичной ноте, чем свою предыдущую книгу, Олсон предположил, что демократические процессы все таки способны вести к выработке надлежащей политики, если его аргументы будут усвоены и широко введены в практику. Это привело бы к более «продуманной и решительной государственной политике», которая «попросту отвергнет законодательство и прочие регулирующие нормы, ориентированные на какие либо обособленные интересы»² .

Но окажись читателем Олсона правитель с диктаторскими полномочиями, он был бы склонен действовать не медленно от имени молча страдающих масс, сделав вывод, что продуманная и решительная политика вряд ли нуждается в демократической санкции, да и вряд ли ее получит. Значительная часть дискуссий по экономической реформе в постсоциалистических и иных странах была сосредоточена на вопросе: предполагает ли логика коллективного действия то, что лишь самоотверженные технократы, игнорирующие общественное мнение, способны успешно провести реформу, которая несет наибольшие блага наибольшему числу людей³. «Власть и процветание», на первый взгляд, тоже обещает внести свою лепту в данную дискуссию. Книга начинается с упоминания о попытке путча в Советском Союзе в августе 1991 года. В связи с этим некий журналист, видимо, прямо заявил Олсону, что лишь диктатор – так, по его мнению, следует из трудов ученого – способен обеспечить успешный экономический рост. В тот момент Олсон прямого ответа журналисту так и не дал. Но таким развернутым ответом на поставленный вопрос стала сама книга. По существу, данный ответ оказался далеко не прямым и однозначным, если не сказать расплывчатым. И автократы, даже исходя из своих личных интересов, часто следуют в русле политики, приносящей широкие социальные выгоды. Но демократии все же способны это делать лучше. Во первых, материальные интересы демократического большинства выгодно отличаются от интересов автократа. Во вторых, существует тесная связь между демократией и устойчивым режимом прав собственности, жизненно важным для экономического роста. Автор настоящей рецензии сожалеет, что ему приходится брать на себя не столь приятную обязанность указать на некоторые вопиющие изъяны в этих аргументах о различиях автократии и демократии, а также затронуть и многие другие не вполне ясные вопросы. В труде Олсона, отличающемся невероятной самоуверенностью и безапелляционностью, столько погрешностей в доводах и доказательствах, что просто удивительно, как далеко мог зайти в своих заблуждениях столь талантливый автор. Этому предмету я посвятил заключительную часть рецензии.

Олсон начинает обсуждение автократии и демократии одним из немногих удачных моментов книги – с широко известного описания «кочевых бандитов» и «бандитов оседлых». Кочевые бандиты забирают все, что только могут унести, поскольку их не занимает участь сегодняшней жертвы – завтра они нападут уже на другую. В отличие от них, оседлым бандитам, которые монополизируют преступный оброк в определенной местности, приходится думать о том, не окажется ли их сегодняшняя чрезмерная алчность не утоленной завтра. У них есть стимул умерять собственные аппетиты, позволяя жертвам иметь минимум достатка для дальнейшего продолжения своей деятельности и накопления имущества. Поэтому у оседлых бандитов есть всеохватывающий интерес к благосостоянию тех, кто живет на контролируемой ими территории. Они даже готовы защищать общественные блага, главное среди которых – социальный порядок, позволяющий отбивать набеги кочевых бандитов, которые лишают людей всякой охоты заниматься производительной деятельностью и вкладывать во что то деньги. Автократов можно рассматривать как определенный тип таких оседлых бандитов, а обеспечиваемый ими порядок можно легко предпочесть анархии.

Но если и автократы готовы поддерживать общественные блага на подвластной им территории, то почему демократия все же должна считаться лучшим образом правления? Олсон предлагает два аргумента. Первый исходит из допущения, что, в отличие от автократов, члены демократического большинства не получают все свои доходы только из налогов, которыми облагаются все члены общества, но, хотя бы частично, обеспечивают себя средствами, заработанными ими на рынке, то есть обладают независимыми источниками дохода. Автократам, которые взвинчивают налоги, приходится мириться с потерями в росте социальных доходов, обусловленными тем, что налоги подавляют рыночные стимулы.

А подавление рыночных стимулов в свою очередь сужает налоговую базу автократии, иногда до такой степени, что повышение налогов становится контрпродуктивным, как это показывает хорошо известная «кривая Лаффера». Но демократическое большинство, получающее доходы на рынке, облагает налогом своих клиентов. (Характерно, что представление Олсона об экономике слишком отвлеченное, что бы охватить экспорт) Таким образом, при повышении налогов большинство рискует понести бремя потерь дважды: один раз из-за сужения налоговой базы, а другой раз при снижении дохода от рыночной деятельности. Более того, если большинство сочтет выгодным затратить значительную часть дохода от налогов на общественные блага, которые поддерживают экономический рост, оно обнаружит, что дополнительные налоги, направленные на перераспределение в пользу его самого, могут оказаться слишком обременительными для клиентов, чтобы считаться разумными. Отсюда Олсон выводит свое триумфальное заключение: «В обществе есть носители «сверхохватывающих интересов», или «сверхинтересов»: группы, которые не охватывают целиком все общество (и таким образом могли бы эксплуатировать меньшинство), но которые при перераспределении дохода от меньшинства в пользу их самих потерпели бы убытки» (с. 22). Он говорит, что подобные меньшинства встречаются относительно часто.

Что касается преимуществ демократии над автократией, этот аргумент бьет совершенно мимо цели. Ведь *ничто не дает основания предполагать*, что носители такого рода «сверхинтересов» обязательно составляют *большинство*, хотя Олсон говорит об этом, как о чем-то данном. Единственная здесь важная составляющая – это какая доля рыночного дохода общества причитается господствующему интересу: чем выше эта доля, тем ниже тяга обложить пере-распределительными налогами тех, кто находится вне коалиции. Олсон отмечает, что «даже нетвердое большинство (50% плюс один человек), включающее людей среднего и более высокого достатка, представляет намного более половины доходной способности общества ... [и] иногда, без сомнения, является носителем сверхинтереса» (с. 23). Это так. Но при соответствующей кривой распределения доходов эта самая коалиция минус два человека – то есть уже *меньшинство*, также будет носителем «сверхохватывающего интереса» в том смысле, о котором говорит Олсон. А при еще более искривленном распределении доходов даже самое малое меньшинство окажется носителем такого сверх охватывающего интереса. Подобный аргумент, который восхвалял бы умеренность клики доминирующих на рынке олигархов, если они соглашались с данным объемом доходов и

воздерживаются от конфискационных налогов на своих относительно бедных клиентов, вряд ли может служить защите демократии.

Если продолжить логику сведения к абсурду, то даже один индивид мог бы получить такую долю рыночного дохода всего общества, которая дала бы ему статус носителя сверхохватывающего интереса. А это ставит под сомнение правомерность ключевого, но никак не доказанного предположения Олсона, что демократическое большинство получает свой доход на рынке, а автократы – нет. Из чего он при этом исходит, уловить трудно: ведь общеизвестен так называемый клановый (*crony*) капитализм, при котором члены семьи или клана диктатора имеют привилегированное рыночное положение. Ближе к существу вопроса приближается разбор Олсоном феномена сталинизма – лучшая часть его книги, если рассматривать ее в отдельности, – где автор показывает, что взаимодействие автократии с экономикой выходит далеко за пределы налогообложения. Олсон доказывает, что Сталин и его приближенные тщательно разработали такую систему побудительных стимулов, которая обеспечила удивительно быстрый экономический рост. Частью их стратегии была полная национализация промышленности, что позволяло вкладывать доходы от нее в амбициозные проекты автократа. Учитывая важность частной собственности для побудительных стимулов роста, Олсон особое внимание уделяет тому, чтобы понять, почему национализация все же не привела ко всеобщей праздности и лени. Ответ – в наличии «хитрой» и «безжалостной» (с. 120) структуры скрытого налогообложения. Сдельная оплата труда вместе с повышенными ценами на товары первой необходимости означали, что рабочие, в попытке обеспечить себе хотя бы прожиточный минимум, сталкивались с весьма высоким скрытым налогообложением на заработанное. Однако заработки, превышающие порог выживания, облагались не столь сильно. Управленцы в своей деятельности сталкивались со сходными стимулами, но они жили значительно лучше, поскольку их производительность обеспечивала доходы, значительно превосходившие прожиточный минимум. Олсон тем самым дает сжатое объяснение тому, почему лозунг большевиков «Кто не работает, тот не ест» вовсе не значит, что люди будут работать ровно столько, сколько надо, чтобы прокормиться, при том условии, что усилия выше этого порога вознаграждаются более щедро. Тезис, конечно, вряд ли удивит тех, кто знаком с практикой назначения зарплаты в годы сталинизма, но тем не менее он у Олсона развит четко и убедительно.

Менее убедительной – хотя и крайне показательной – является попытка Олсона объяснить, почему подобная система не действует где либо еще. «Политика поощрения продуктивности и эффективности путем обложения высоким налогом первых часов работы ... и освобождения от налога предельных (последних) доходов, – утверждает он с завораживающей наивностью, – не только морально отталкивающая, но и практически неосуществима, когда одинаковые законы применяются ко всем» (с. 120). По существу же, реализация такой политики и в том случае, когда ко всем применяются одинаковые законы, не представляет никаких затруднений. Налоги на товары, потребляемые в относительно больших объемах теми, кто недостаточно состоятелен, выполняют задачу вполне успешно. Вот почему некоторые штаты США, такие как Массачусетс, не облагают продукты питания

налогом на продажу. И мог ли Олсон действительно не знать о законах США, освобождающих от налогов на социальное страхование доходы, превышающие 80 тысяч долларов?

Основополагающим и очевидным моментом является то, что универсально сформулированные положения закона могут быть неуниверсальными по своим последствиям, по разному влияя на разные группы населения. Вряд ли бы требовалось специально останавливаться на этой банальности, если бы Олсон и в иных случаях не выказывал убеждения, что правовые нормы всегда по самому своему существу являются универсально действующими (особенно это удивляет, если учесть широко известное повышенное внимание Олсона к «законодательству частных интересов»). Его аргумент в пользу потенциального экономического преимущества демократии над автократией базируется не только на расплывчатом доводе о большинстве носителей «сверхохватывающего» интереса. Второй аргумент Олсона в пользу демократии – это постулат о тесной связи демократии и стабильных правовых гарантий прав собственности. Очевидно, всякая личность или группа, способные сместить старую автократию новой, именно так и поступят. А демократия при смене власти, по утверждению Олсона, возникает в тех случаях, когда автократ бывает смещен альянсом более или менее уравновешивающих друг друга сил. После такой революции главной заботой этих сил становится недопущение возвышения кого либо из своего состава в качестве нового автократа. Такая опасность бывает особенно велика, поскольку задачи управления в любой системе власти требует сравнительно сильного правителя. Поэтому лица, осуществившие революционный переворот, позаботятся об ограничениях, налагаемых на исполнительную власть, в особенности о создании независимой правовой системы, которая предотвратит конфискацию собственности, обеспечивающей их власть. Поэтому, по счастливому совпадению, «те же самые структуры, которые были созданы при разделении власти для недопущения автократического преследования какой либо из сторон соглашения, будут также защищать права собственности и договорных отношений» (с. 36). Однако и здесь Олсон игнорирует тот факт, что не требуется особой изобретательности, чтобы создать такой корпус норм, которые защищали бы сильных, оставляя других беззащитными. Конституция США, если взять один из его примеров, не сделала ничего, чтобы защитить договорные права рабов или замужних женщин. Это обстоятельство сразу же делает сомнительным довод Олсона о том, что раз демократия «не может выжить, если противники действующей администрации не будут иметь права голоса и всех иных прав, предоставляемых в рамках правового государства, включая права собственности и право заключения договоров», то права должны быть всеобщими. «Если уж и противники правящей администрации имеют данные права, то и все другие граждане будут их иметь» (с. 41)⁴. Некоторые «другие граждане» – возможно, , но Олсон не приводит доводов в пользу того, что их число будет велико. Не находим мы никакого обоснования и его предположению, что все права существуют в неразрывной связке. Такое предположение заставило бы нас сделать ряд достаточно сомнительных выводов, например о том, что полноценное право частной собственности нельзя себе представить без сопутствующего права отвергать само

существование частной собственности. В любом случае аргумент относительно уравнивания власти среди революционеров не находит твердого исторического подтверждения. Олсон забывает упомянуть, что Конституция США была принята взамен значительно более нечетких и размытых Статей Конфедерации и что многие из ее положений, направленных на упрочение собственности (таких как норма о законных платежных средствах), стали результатом политических мер, прямо и открыто направленных на защиту рыночного товарообмена от вторжения политики, а не на сдерживание потенциальных деспотов. То же самое касается и многих правовых норм, кардинально важных для современного рынка США, но принятых значительно позже самой Конституции и никак прямо не выводимых из нее.

Попытки установить связь между демократией и «законопослушным» капитализмом как *логическую* (см. с. 41) необходимость явно несостоятельны. Почему же тогда Олсон вообще полагается на них? Без сомнения, в какой то мере он движим нежеланием прослыть апологетом различного рода пиночетов в разных странах мира (стоит, однако, заглянуть в рецензируемое сочинение на с. 100). С другой стороны, как на это указывает и само заглавие книги, Олсон хочет показать, что власть необходима для экономического процветания⁵. Хотя и существует множество «неподавляемых рынков», основанных на непосредственно осуществляемых и немедленно исполняемых сделках, есть и другие важные рынки, которые являются «социально обусловленными» или «социально спланированными». Эти рынки охватывают сделки, которые исполняются в течение определенного промежутка времени и подвержены рискам неисполнения и злоупотреблений, и эти риски преодолеваются лишь принудительной властью государства. «Чтобы воспользоваться всеми преимуществами обмена ... необходимы правовая система и политический порядок, которые обеспечат исполнение сделок, защитят права собственности, поддержат соглашения по залогу, создадут основу для существования компаний с ограниченной ответственностью и будут способствовать непрерывному функционированию широкого рынка капитала, делающего инвестиции и денежные обязательства более ликвидными, чем они были бы при иных условиях» (с. 185). Но что же заставляет столь могущественное государство способствовать созданию богатства, а не просто разом взять и присвоить все, что ему нужно? А именно способность хозяев государства – будь то «оседлые бандиты» или большинство носителей «сверхохватывающих интересов» – рассматривать сегодняшнюю фискальную умеренность как вложение в завтрашнее фискальное изобилие.

Разумеется, всякое инвестирование в фискальную умеренность может работать только при условии, что это всерьез и надолго. Государство, проводящее непоследовательную и непредсказуемую политику, окажется неспособным поддерживать растянутые во времени деловые и торговые операции. Здесь, на взгляд Олсона, содержится другое преимущество демократии перед автократией, хотя оно опять таки покоится на его странном понимании законности – по принципу «все или ничего». Демократические лидеры, раз они заслуживают такого именованья, покидают должность при четко определенных правовых условиях. Эта правовая стабильность, по мнению автора, распространяется и на сферу договорных прав и прав собственности, хотя Олсон и не проясняет причин, по которой это происходит.

Олсон признает, что «сроки деятельности и гарантий пребывания в должности демократических лидеров короче, чем у типичных автократов» (с. 42), но при этом он считает, что долгосрочный рост («продолжающийся на протяжении несколько поколений» (с. 43), возможен только в демократиях. Автократии рано или поздно пострадают от недальновидного или просто рано умершего правителя.

Следует заметить, что аргумент об экономических преимуществах демократии над автократией в буквальном смысле применим лишь в отношении того понимания долгосрочной перспективы, которую мы встречаем у Кейнса, то есть срока, который не дано пережить даже самым лучшим и самые мудрым из королей.⁶ Сам Олсон не выглядит столь убежденным в достоинствах демократии в пределах кратко срочной перспективы, охватывающей лишь одну человеческую жизнь. Уделив внимание защите демократии в первых двух главах книги, в середине ее он переходит на более скептическую позицию, которая была характерна для его ранних трудов, предупреждая, что «анализ одних только всеохватывающих и «сверхохватывающих интересов» большинства, , взятых самих по себе, создает слишком розовый взгляд на вещи» (с. 92). Если ввести в картину закономерно завышенный политический успех носителей эгоистически ориентированных организованных интересов, то демократия будет выглядеть уже отнюдь не так привлекательно. Вновь поднимаемые темы его первых книг задают контекст для обсуждения постсоциалистической трансформации, в которой явно видны авторитарные черты.

Сначала Олсон хочет доказать, что теория общественного «склероза», представленная в «Подъеме и упадке наций», может быть распространена непосредственно на опыт коммунистических плановых экономических систем. Олсон утверждает, что главная проблема и задача для таких систем – избежать утраты достоверной информации, необходимой для планирования⁷. Риск состоит в том, что органы планирования хотели бы от руководителей предприятий, чтобы те создавали многое из малого, тогда как руководители предприятий предпочитали производить мало из многого. Производители были рады зачесть в счет исполнения плана самые низкосортные товары, а плановики, как считалось, действовали в интересах потребителей (в широком смысле этого слова — потребители включали военных, , министерства и т.д.. Поэтому производители скрывали информацию, а плановики, имевшие слишком много производителей под своим контролем, вряд ли могли своими силами и без посторонней помощи проверить всю информацию. Помощь приходила с двух сторон: во первых, в форме жалоб от поставщиков или потребителей, указывавших либо на утаенные производственные ресурсы или на некачественность произведенного продукта, а во вторых, в форме соревнования параллельно действующих социалистических предприятий, которые путем повышения производительности боролись за предоставление им больших ресурсов. Но со временем оба канала информации оказывались забытыми, когда подчиненные организации научились сговариваться напрямую друг с другом – образно говоря, , «действуя против бандита бандитскими же методами» (с. 151), а не помогая планирующим организациям разделять и властвовать. Когда надежная информация исчезала, распределение ресурсов начинало отражать не приоритеты плановиков, а вредное политическое

влияние корыстных лоббистов (с. 147).

Хотя переход от приоритетов плана к борьбе лоббистов в попытке Олсона доказать сходство «социального склероза» при коммунизме и капитализме играет ключевую роль, он не подкрепляет данный тезис никакими разъяснениями. Отказались ли плановые организации от принципов рационально ориентированной деятельности из-за низкого качества доступной им информации? Даже если принять эту логику за некий аргумент, реальный исторический материал свидетельствует прямо против нее. Влияние лоббистов и неформальное взаимодействие за пределами плановой системы были постоянными чертами в советской экономике, демонстрировавшие намного больше устойчивости и преемственности форм, чем изменений. Уже при Сталине министерства стали эффективными лоббистами, способными блокировать – и реально блокировавшими по собственному произволу – приоритеты плановиков⁸. Еще при Брежневле внимание и давление самого Политбюро помогало обеспечить впечатляющее, хотя и несколько ограниченное перераспределение ресурсов⁹. Распространенность децентрализованного обмена в расщелинах плановой экономики в 30-е годы была столь же значительной, что и в 80-е¹⁰. Самые убедительные объяснения постепенного упадка советской экономики на протяжении 70-х и 80-х годов указывают не на ее изменение, пусть и деволюционное, а на дальнейшее нарастание трудностей, связанное с попытками продолжить прежнюю политику, не внося в нее каких-либо изменений¹¹. Ошибочным было бы, как это делает Олсон (с. 159), сравнивать преемственность с радикальными сдвигами в Советском Союзе последних лет существования. Безответственное и безоглядное разрушение при Горбачеве тех институтов, которые в течение 50 прошедших лет худо-бедно управляли плановой экономикой, скорее напоминало выстрел в висок, чем постепенно развивающийся склероз¹².

Конечно, вопрос не сводится только к Советскому Союзу, и специфика распада коммунистического строя была различной в отдельных странах. Вместе с тем одновременность этого процесса по всей Европе ставит сложный вопрос о том, что же способствовало столь точной синхронизации деволюционных процессов в различных странах. Олсон обходит стороной вопрос о сравнительной деволюции и не посредственно обращается к стране, которой ее удалось избежать, – Китаю. Тот факт, что Китаю удалось избежать типичный путь к упадку и развалу коммунистического строя, служит для Олсона ярким подтверждением его теории. В политической экономике Китая «культурная революция», проведенная Мао, сыграла роль, аналогичную иностранной оккупации Японии и Западной Германии: она раздробила сплотившиеся группы интересов, освободив тем самым путь реформам Дэн Сяопина. К сожалению, и это утверждение Олсона полностью опровергается фактами. Если следовать за Олсоном, то надо было бы предположить, к примеру, что отражающие определенные групповые интересы проявления социального склероза – такие, как провоцирование инфляции и чрезмерное инвестирование, после «культурной революции» в Китае окажутся там далеко не столь распространенными, как, допустим, в брежневском СССР. Но дело обстояло как раз наоборот¹³. Специалисты по Китаю вряд ли бы разделили мнение Олсона о том, что китайская государственная промышленность после

Мао Цзэдуна была неспособна противостоять реформам или лоббировать выделение ресурсов ¹⁴ .

Превознесение Олсоном результатов «культурной революции» в Китае хорошо иллюстрирует тон его рассуждений на тему посткоммунизма. Странам бывшего советского блока, которым не довелось пережить подобного катаклизма, сейчас приходится решать, что делать с «останками коммунизма» (с. 161), которые состоят исключительно из предприятий, «более преуспевших в лоббировании и использовании связей в правительственных кругах, чем в производстве» (с. 170). В этом контексте споры о быстрой или медленной приватизации обходят главный пункт, который состоит в «конфликте производящего и паразитирующего секторов» (с. 165). Лоббистскими успехами последнего, наряду с крахом социалистической налоговой системы, объясняются инфляция и общее плохое состояние экономики в постсоциалистических странах. В этом пункте разбор эмпирической необоснованности теории оказался бы чересчур утомительным, поэтому я ограничусь лишь указанием на полную неспособность теории объяснить показатели налоговых сборов и инфляции в России – стране, которой Олсон выделяет менее поверхностное внимание. Но еще более значимыми являются те в принципе антидемократические выводы, которые следуют из анализа. Если бы не имелось иной альтернативы, кроме как принять нарисованный им портрет загнивающего постсоциализма – труп, населенный паразитами, – то действительно было бы трудно удержаться от желания призвать чью либо крепкую руку для полной расчистки и дезинфекции местности. А вспомните о перечислении Олсоном успешных путей роста в условиях автократии «в «жестких» странах, которые обычно не приспособливали свою политику к чьим либо организованным интересам, интересам определенных профессий и отраслей промышленности» (с. 100).

Воздадим должное автору, он хотя бы не доходит до рекомендаций применять на практике те леденящие душу меры, которые были характерны для «культурной революции». Вместо этого в заключительной главе книги Олсон пытается мобилизовать свои слабые доводы — про неразрывность демократических прав и гарантий экономической активности, про «сверхохватывающие интересы» большинства – на защиту выбора демократического пути к экономическому успеху в странах, борющихся с наследием социализма. Результат получается неубедительным. В конце концов, Олсону ничего не остается, как «сыграть на бис» старую песню из финала «Подъема и упадка ...» Он выражает лишь надежду на то, что элите, которой открыли глаза на логику коллективного действия, – массы так и обречены пребывать в рациональном неведении – удастся избежать разрушительных последствий. В итоге вместо боевого призыва к демократии мы слышим завуалированное благословение, обращенное к просвещенной диктатуре. Симфония кончается диссонансом, неудавшейся попыткой гармонизировать новые темы, которыми ее третья часть дополняет эхо первой и второй частей. Увы, эхо это звучит намного громче.

Некоторые классические книги сохраняют свое влияние благодаря нескольким удачным и ярким концепциям. Противопоставлением «оседлых» и «кочевых» бандитов, а также «неподавляемых» и «социально планируемых»

рынков Олсон создал своеобразные крылатые фразы, которые парят над худой логикой и еще худшим знанием истории, засоряющими его книгу. Можно и возразить, что эти образные фигуры в большей степени обобщают идеи, содержащиеся в прежних работах других ученых, чем продвигают какие то новые аргументы или пути исследования, но все же заслуги Олсона неоспоримы ¹⁵.

Те, кто хочет извлечь более глубокие уроки из «Власти и процветания», должны попытаться понять характерную для всей книги ошибочную систему суждений, коренящуюся в двух допущениях. Первое – это презумпция того, что молчаливое угнетенное население, едва только обретет свой голос, сразу же само по себе заговорит на языке либеральной экономики. На самых первых страницах книги проглядывает убеждение Олсона в том, что основные направления наилучшей (то есть способствующей росту благосостояния) экономической политики всем достаточно широко известны и всеобщие применимы (с. 1). Поэтому, очевидно, демократию можно принять только тогда, когда она сама логикой вещей *вынуждает* к переходу именно к такой политике. Этим объясняются странные, неубедительно произносимые допущения Олсона о том, что права и закон по своей глубинной сущности являются универсалистскими. Ведь если здесь нет логической необходимости, то возможны отклонения от правильного политического курса под воздействием со стороны носителей эгоистических групп интересов. Однако ясно, что всякая защита демократии, которая исходит из способности демократии обеспечить проведение конкретного политического курса, с самого начала обречена на неудачу. Демократия состоит прежде всего в процедурах обеспечения коллективного выбора. И если нужды в выборе нет, то зачем тогда связываться с демократией? Как утверждают сейчас многие, можно наблюдать позитивную связь между демократией и ростом в посткоммунистических странах ¹⁶. В то же время в таких странах, как Польша и Венгрия, которые достигли сравнительного экономического успеха, применялась иная экономическая политика. И разве будет чрезмерным допущение, что успех демократии состоял в том, что она способствовала выработке адекватной политики, приспособленной к локальным условиям. То есть речь идет о политике, основанной на понимании того, что просто взорвать унаследованную от социализма промышленность вряд ли будет наилучшим выбором и что необходимо углубиться в до вольно сложную и далеко не поверхностную задачу приспособления социалистических предприятий к условиям рынка. Такой подход позволил Олсону бы избежать второй ключевой ошибки – подхода к интересам организованных групп как абсолютно однозначно определенным, причем и в общих и в частных своих чертах направленным против интересов общества и даже вредных для него. Если их интересы не являются всеохватывающими, члены определенной группы интересов всегда норовят выбить деньги у остальной части общества. Отсюда можно сделать лишь весьма печальный вывод о том, что восхваляемые Олсоном поддерживающие рынок институты, там, где они существуют, либо образовались в противостоянии богатым, могущественным и организованным группам, либо всеохватывающие интересы столь распространены, что делают его теорию беспредметной. Упрощенная дихтомия узкого интереса и интереса всеохватывающего исключает всякое обсуждение тех множественных и весьма

сложных переплетений, которые возможны между реальными материальными интересами бизнеса и структурой управления. Анализ такого рода явлений, однако, вышел бы далеко за рамки этой рецензии. Но в качестве обобщающего заключения было бы вполне правомерно отметить, что сегменты общества, представляющие богатство и власть, проявили и проявляют большую активность в создании капиталистических институтов, чем предполагал Олсон.

Дэвид Вудрафф -- профессор политологии в Массачусетском технологическом институте, автор книги «Разрушение денег: бартер и судьбы русского капитализма» (Money Unmade: barter and the fate of Russian capitalism. Ithaca, N. Y. :Cornell University Press, 1999).

¹ *Общественные или общедоступные блага (public goods) могут являться таковыми только для конкретной группы. Например, все отечественные производители автомобилей извлекают выгоду из ввозных пошлин, отсекающих иностранных конкурентов. Для них, поэтому, такие пошлины являются общедоступным благом, и возникает возможность синдрома «безбилетника» в их стане.*

² Rise and Decline... P.236.

³ См. две характерные работы по данной дискуссии: Hellman J. Winners take all: the politics of partial reform in post-communist transitions // World Politics. 1998. Vol.50, No. 2. P.203–204; Schamis H.E. Distributional Coalitions and the politics of economic reform in Latin America // World Politics. 1999. Vol. 51, No. 2. P.236–268.

⁴ Олсон указывает на ограниченную природу ранней американской демократии, утверждая, что под демократией он понимает лишь подлинное соревнование за лидерство, а не «всеобщее избирательное право» взрослых граждан (P.29–30). Но заметьте: Олсон утверждает, что права помимо всеобщего избирательного права, внутренне присущи демократии, так что этапоправка не имеет отношение к его более широким суждениям.

⁵ Обсуждая данный аргумент, я обхожу стороной контекст, в который он введен – то есть полемику Олсона против тех, кто считает, что произвольные сделки по необходимости приведут к оптимальной для общества форме экономического регулирования.

⁶ Олсон утверждает, что «почти все страны, в которых наблюдалось хорошее состояние экономики на протяжении нескольких поколений, имели демократическое правление» (с.43). Однако это верно и в случае, когда демократии, где не наблюдался рост, переставали быть демократиями, – аргумент, хорошо раскрытый и подтвержденный Адамом Пшеворским и Фернандо Лимонги. См. :Przeworski A., Limongi F. Modernization: theories and facts //World Politics. 1997. Vol. 49, No. 2. P. 155 –183. Остроумие текста, если можно так сказать, заимствовано у Олсона. «Если перефразировать Кейнса: в долгосрочной перспективе Сталина можно считать мертвым» (с. 134).

⁷ Многое в рассуждениях Олсона о плановой экономике в высшей степени напоминает подход Джозефа Берлинера в его весьма влиятельной книге (Berliner J. Factory and Manager in the USSR. Cambridge, Mass. :Harvard University Press, 1957) и работах, по следующим за ней. Остается гадать, почему автор был столь уверен, что он преодолел «обычный взгляд на коммунизм» (P. 154).

⁸ Dunmore T. The Stalinist command economy: the Soviet state apparatus and economic policy. London: MacMillan, 1980. P. 1945 –1953.

⁹ Gustafson T. Crisis amid plenty: the politics of Soviet energy under Brezhnev and Gorbachev. A Rand corporation research study. Princeton, N. J. : Princeton University Press, 1989.

¹⁰ О 30 х годах см. : Berliner. Ibidem. ; или прекрасное свидетельство из первоисточника: Andreev Khomiakov G. Bitter Waters: life and work in Stalin 's Russia: a memoir. Boulder, Colo. : Westview Press, 1997. О 80 х годах см. : Hewett E. A. Reforming the Soviet economy: equality versus efficiency. Washington, D. C. : Brookings Institution, 1988.

¹¹ В упомянутой работе «Gustafson. Crisis amid plenty ...» вопрос раскрыт особенно хорошо.

¹² Woodruff D. Money unmade: Barter and the fate of Russian capitalism. Ithaca, N. Y. : Cornell University Press, 1999. P. 56 –78.

¹³ Huang Y. S. Information, bureaucracy, and economic reforms in China and the Soviet Union // World Politics. 1994. Vol. 47, No. 1. P. 102 –134.

¹⁴ Steinfeld, Edward S. Forging reform in China: the fate of state owned industry. Cambridge, Mass. : Cambridge University Press, 1998.

¹⁵ Олсон почти без упоминания проходит мимо обширной научной литературы, касающейся вопросов демократии, автократии, и проблем их развития во временных перспективах. Хотя и эта литература не лишена серьезных дефектов, она представляет значительно больше интереса, чем малосодержательные формулировки Олсона. Укажем хотя бы на три важные статьи, по которым можно судить о слабости вклада рецензируемого автора: Alesina A. Political models of macroeconomic policy and fiscal reforms // Voting for reform. Haggard S. , and Webb S. B. , eds. Oxford: Oxford University Press, 1994. P. 37 –60. ; North D. C. and Weingast B. R. Constitutions and commitment: the evolution of institutions governing public choice in seventeenth century England // Journal of Economic History. 1989. Vol. 49. P. 803 –832; North D. C. The Historical evolution of politics // International Review of Law and Economics. 1994. Vol. 14. No. 4. P. 381 –391. Аргументация о тех способах, с помощью которых правовые институты поддерживают рынки, также ушли далеко вперед от предлагаемых в книге общих мест и в основном исходят из известной работы Дугласа Норта. Одно единственное цитирование Норта в данной книге (P. 210), причем неправильно характеризующее его как представителя того направления, которое игнорирует роль принуждения в экономике, просто непростительно.

¹⁶ Хеллман с его работой «Победитель получает все» был первопроходцем в этой области исследований.